Чернов

Истинные и мнимые пораженцы

3 экз

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

Ю. Гарденинъ

ИСТИННЫЕ И МНИМЫЕ ПОРАЖЕНЦЫ

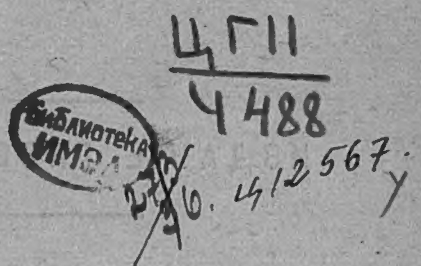
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „ЖИЗНЬ"

GENÈVE
IMPRIMERIE E. CHAULMONTET
Rue des Rois, 12

1915

ОГЛАВЛЕНІЕ:

СТАРЫЕ МОТИВЫ.

Теперь, когда передъ русской демократіей сталъ ребромъ вопросъ о „пріятіи“ или „непріятіи“ этой войны, нерѣдко вспоминаютъ объ отношеніи русской демократіи — десять лѣтъ тому назадъ — къ войнѣ съ Японіей. Вспоминаютъ, что „многіе демократы во время русско-японской войны желали пораженія оффиціальной Россіи“.

Фактъ вѣрный и психологически глубоко знаменательный. О чемъ онъ свидѣтельствуетъ? Конечно, объ одномъ: о типичной для того времени психологіи безсилія.

Русскіе либералы издревле привыкли ожидать конституціи если не отъ внезапнаго просвѣтленія правительства, то отъ какихъ нибудь стихійныхъ бѣдствій: труса, глада, огня, меча или нашествія иноплеменныхъ. Отъ государственнаго банкротства. Отъ давленія иностранныхъ союзныхъ правительствъ. Вообще извнѣ, а не извнутри,—отъ посторонней силы, а не отъ собственной борьбы, въ которой и только въ которой—народъ можетъ „обрѣсти право свое“.

Естественно, что во время манчжурской кампаніи многіе либералы готовы были всѣ свои упованія возложить на японскія мины и торпеды. Подобнымъ же образомъ раньше они втихомолку возлагали надежды на революціонныя бомбы. Тѣ и другія имъ были равно чужія. И чѣмъ сильнѣе въ эти стороны направлялись ихъ упованія, тѣмъ тщательнѣе они ихъ скрывали.

Революціонеры были откровеннѣе. И тѣ изъ нихъ—ничтожное меньшинство—которые готовы были наканунѣ отчаиваться въ успѣхѣ своей борьбы, во время войны воспрянули духомъ и дали исходъ своей ненависти противъ правительства, открыто заявляя, что желаютъ успѣха японскому оружію.

Это было парадоксальное настроеніе. Психологически понятное, логически оно было неоправдываемо. Болѣе того, оно было нереволюціонно. Ибо не подачекъ отъ ослабленнаго внѣшнимъ врагомъ правительства хотимъ мы. Мы хо-

тимъ собственными руками завоевывать у него позицію за позиціей. Ибо только завоеванныя пріобрѣтенія прочны. Все остальное—эфемерно и случайно.

И поскольку въ 1905 г. уступки правительства были результатомъ не нашихъ побѣдъ, а японскихъ — постольку скачекъ впередъ нашего государственнаго строя таилъ въ себѣ зародышъ контръ-революціи и скачка назадъ. „Приходъ съ расходомъ вѣренъ—въ остаткѣ нуль". Этого мало. На поляхъ Кореи и Манчжуріи Японія являлась такой же захватнической, хищнической силой, какъ Россія господъ Безобразовыхъ, Алексѣевыхъ, Абазы и компаніи.

Было такъ же мало основаній желать успѣха японскому имперіализму, какъ и русскому. Японскіе соціалисты также протестовали тогда противъ своей манчжурской авантюры; какъ и русскіе соціалисты, они подвергались гоненіямъ. Побѣды японскаго оружія и создаваемый ими шовинизмъ, отравляя сознаніе народныхъ массъ, грозили надолго стереть всѣ плоды недолгой работы молодого японскаго соціализма. И японская политическая реакція такъ же разсчитывала учесть въ свою пользу военныя побѣды, какъ у насъ цинично учитывалъ ихъ фонъ-Плеве, заявившій въ свое время Витте, что безъ внѣшней побѣды, хотя бы маленькой, будетъ трудно выпутаться изъ внутреннихъ осложненій.

Мы не могли желать побѣдъ русскаго оружія въ явно неправомъ дѣлѣ. Но не могли желать и побѣдъ японскому оружію. Все дѣло, отъ начала до конца, было намъ чужое. Любой исходъ его ничего не давалъ дѣлу соціализма. Встрѣтились, въ спорѣ изъ за добычи, изъ за безсильной жертвы, два хищника. Къ сожалѣнію, оба не могли потерпѣть неудачи. Неоткуда было взяться „третьему лицу", которое бы поставило на свое мѣсто обоихъ. И намъ некому было сочувствовать. Намъ оставалось лишь „обратиться внутрь" и заняться своими внутренними дѣлами, игнорируя ходъ внѣшняго столкновенія. Ибо исходъ его былъ намъ безразличенъ.

Въ настоящее время даже въ рядахъ революціонеровъ нерѣдки заявленія, будто тогда, во время русско-японской войны, въ насъ недостаточно сильно говорило національное самосознаніе. И выражается надежда, что оно будетъ разбужено нынѣшней войной.

Въ виду этого необходимо самымъ категорическимъ об-

разомъ заявить, что въ нашей оцѣнкѣ русско-японской войны намъ мѣнять нечего. То „національное сознаніе“, которое при столкновеніи двухъ неправыхъ дѣлъ учитъ отдавать предпочтеніе своему, намъ глубоко противно. Это не значитъ, чтобы мы становились на сторону чужого. Это значитъ лишь, что свое дѣло мы усматриваемъ — совершенно въ другой плоскости.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Пахнуло старымъ, давнимъ, но незабываемымъ...

Помните ли вы, читатель, то проклятое время, когда глашатаи нашей реакціонно-націоналистической прессы собирались „шапками закидать“ японскихъ макаковъ? И требовали всероссійскаго единенія во имя выполненія нашей громадной исторической миссіи на Дальнемъ Востокѣ?

Газетные паяцы надрывались, вздувая чувства самодовольной національной гордыни и злобнаго презрѣнія къ противнику. И эти чувства вздувались — какъ мыльный пузырь, блестя на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; — какъ лягушка, пытавшаяся раздуться въ вола... пока не лопнула.

Вы помните, какъ опротивѣло вамъ тогда газетное бряцанье оружіемъ, и какъ глубоко чужды были вамъ „жребіи войны“, выбрасываемые жизнью въ ту или другую сторону на поляхъ Манчжуріи?

Вы помните, какъ гибель тысячъ и десятковъ тысячъ русскихъ рабочихъ и мужиковъ, наряженныхъ въ военный мундиръ, воспринималась вашимъ сознаніемъ такъ, какъ будто дѣло шло о колоссальномъ наводненіи, землетрясеніи или еще о чемъ то въ этомъ родѣ?

Вы помните, до какой степени вы не могли отъ этой войны ничего ждать и ничего хотѣть... кромѣ того, чтобы она скорѣе прекратилась — во что бы то ни стало! Ибо народная Россія не имѣла ничего своего — и стало быть, ей нечего было терять — въ Кореѣ, на Ялу, на манчжурскихъ плоскогоріяхъ. Нечего терять — не за что и бояться.

Вы оставались убійственно спокойными и трезвыми. Убійственно спокойными — передъ лицомъ воинственной

истерики, припадками которой была поражена вся пресса. Убійственно трезвыми — передъ угаромъ патріотическаго опьяненія, вскружившаго голову широкимъ слоямъ русскаго общества.

Сотни, тысячи орудій на поляхъ битвъ изрыгали пламя, рвались раскаленныя ядра, горѣли села и города, — а въ вашу душу заползалъ ледяной, мертвящій холодъ.

И васъ томило чувство одиночества, неприкаянности. Вы, быть можетъ, уже боялись, не превратились ли вы въ отщепенцевъ русскаго общества и народа, безнадежно чужихъ ему? Вы боялись этого тайно и долго... пока для русскаго общества не настали, подъ ударами тяжкихъ уроковъ судьбы, суровые дни отрезвленія.

Эти воспоминанія быстрѣе молніи проносятся въ мозгу, когда думаешь о чертахъ сходства и различія той войны и этой...

Какъ много различій! То было гдѣ то далеко, на краю свѣта, за какія то концессіи на Ялу. Теперь—въ самомъ сердцѣ Европы, чуть не по всему протяженію нашей границы съ нею. Тамъ мы вмѣшались въ какую то путаницу между корейцами, манджурами, китайцами, японцами. Здѣсь — куда болѣе близкія имена сербовъ, поляковъ, галиційскихъ украинцевъ. Тамъ — споръ за „цѣнности", намъ совершенно безразличныя. Здѣсь на картѣ—судьбы дальнѣйшаго развитія западно-европейскихъ политическихъ демократій. Тамъ — мы вторгались, незванные и непрошенные, въ чужія земли. Здѣсь — громадная Австрія, угрожающая навалиться на маленькую Сербію, колоссальная германская армія, грубо врывающаяся въ мирную Бельгію.

Еще немного — и, казалось бы, можно объявить эту войну прямой и полной противоположностью той. И, соотвѣтственно этому, взять столь же простую и прямую, какъ тогда, но противоположную по характеру линію поведенія.

Тогда мы продолжали „гнуть свою линію", игнорируя фактъ войны и не считаясь съ ея интересами. Не поступить ли теперь какъ разъ наоборотъ? Не прекратить ли теперь „свою линію", не ликвидировать ли всей своей дѣятельности, какъ революціонеровъ и соціалистовъ, не прим-

кнуть ли къ войнѣ, временно игнорируя и оставляя въ сторонѣ внутреннія задачи?

О, будь на мѣстѣ царской Россіи революціонная Россія, — да, наше настроеніе было бы прямо противоположно тому, которое нами владѣло десять лѣтъ назадъ! Революціонная Россія не оставалась бы равнодушной къ насилію сильныхъ надъ слабыми, Германіи и Австріи надъ Бельгіей и Сербіей. Но она имѣла бы моральное право вступиться за нихъ, ибо сама не являлась бы угнетательницей слабыхъ. Она не грозила бы ничѣмъ германской культурѣ и боролась бы съ Габсбургами и Гогенцолернами, не вооружая противъ себя всего германскаго и австро-венгерскаго населенія, а имѣя его симпатіи на своей сторонѣ. Она спасла бы независимость Сербіи, но спасла бы и отъ великосербскихъ притѣсненій независимость македонцевъ. Она не имѣла бы противъ себя Болгаріи. Новыми насиліями надъ конституціей Финляндіи она не отталкивала бы отъ себя симпатій и не навлекала бы антипатій скандинавскихъ государствъ. Вмѣсто лицемѣрныхъ и фальшивыхъ заигрываній съ идеей объединенія Польши, она отнеслась бы къ ней, какъ къ націи—сестрѣ, предоставивъ ей полное право на національное самоопредѣленіе, и австрійскіе поляки не шли бы противъ нея, одушевляемые чувствами ненависти и гнѣвнаго презрѣнія. Она не отпугивала бы Румынію и Грецію притязаніями на Босфоръ и Дарданеллы. Она боролась бы во имя революціи—и ей братски, безъ боязни, протянули бы руку всѣ революціонные элементы въ Германіи и Австро-Венгріи.

А теперь?

Проклятое противорѣчіе — царская Россія, матеріально усиливающая и морально ослабляющая позиціи западныхъ демократій противъ средне-европейскихъ имперій! Внѣшнее союзничество, таящее подъ собою глубокій внутренній антагонизмъ! И перспективы неизбѣжнаго вскрыванія этого антагонизма по мѣрѣ того, какъ будетъ выясняться и опредѣляться исходъ міроваго столкновенія и его общеполитическія послѣдствія!

О, мы знаемъ, есть не мало людей „съ короткими мыслями", которымъ дѣла нѣтъ до невѣроятной сложности и запутанности этой политической конъюнктуры, которые по-

нимаютъ только двѣ элементарно простыхъ линіи поведенія: либо содѣйствовать пораженію правительства во внѣшней войнѣ, либо бороться противъ внѣшняго врага, забывая пока о революціи и соціализмѣ.

Сложность жизни требуетъ и болѣе сложной тактики. Тактики, въ которой способность выжидать, выбирать моментъ и сообразовать средства сочетается съ боевой готовностью. Hic Rhodus, hic salta!

НА КОГО И НА ЧТО НАМЪ НАДѢЯТЬСЯ.

Наши надежды, наши желанія, наши разсчеты и тактическія построенія—лежатъ „по ту сторону“ побѣдъ и пораженій обоихъ борющихся въ этой войнѣ лагерей.

Всякія спекуляціи на чьи либо побѣды и пораженія—я глубоко убѣжденъ въ этомъ — совершенно противны всему духу нашего міросозерцанія.

Не всѣ, повидимому, съ этимъ согласны. Въ частности, съ другими руководящими идеями выступилъ противъ меня т. Ронсинъ. Ему кажется понятнымъ и естественнымъ какъ разъ то самое настроеніе, которое я характеризовалъ, какъ нереволюціонное. Настроеніе, которое проявилось первоначально во время японской войны — желаніемъ побѣды японцамъ; настроеніе, которое сказывалось не разъ въ послѣдующіе годы контръ-революціи воздыханіями: „хотя бы насъ снова гдѣ нибудь поколотили, что ли — авось на этотъ разъ новый революціонный подъемъ покончилъ бы съ самодержавіемъ!“.

Такое настроеніе, по моему мнѣнію, свойственно лишь наиболѣе пассивнымъ элементамъ оппозиціи. Въ революціонную среду оно можетъ перекидываться лишь по недоразумѣнію.

Тов. Ронсинъ съ этимъ не согласенъ. „Можемъ ли мы, должны ли мы желать ослабленія царскаго самодержавія внѣшними пораженіями?“ — спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ положительно. Да, можетъ. Да, должны.

Аргументація его чрезвычайно проста. Война — не спортъ. Въ спортѣ можетъ играть мѣсто элементъ рыцар-

ства. Тамъ — и только тамъ — мѣсто эстетикѣ борьбы. Война же — часть политики. А въ политикѣ долженъ царить утилитаризмъ. Въ спортѣ мы вызываемъ на состязаніе врага въ полнотѣ его силъ. Въ войнѣ—пользуемся моментомъ и нападаемъ на врага ослабленнаго — хотя бы и не нами. Въ политикѣ вообще надо достигать цѣли съ минимумомъ затратъ. „Здѣсь всего важнѣе побѣда, притомъ съ наивозможно меньшими жертвами". „Чѣмъ болѣе ослабленъ врагъ ударами, нанесенными со стороны, тѣмъ лучше". Въ этомъ и заключается оправданіе того настроенія, которое мнѣ „эстетически" не нравится.

Странное возраженіе! Какъ будто внѣшнее пораженіе — есть ударъ, наносимый только правительству страны, а не колоссальное кровопусканіе самому народу, всей странѣ! Война, политика — не спортъ; — святая истина! „Всего важнѣе побѣда, и притомъ съ наименьшими жертвами" — совершенно вѣрно! Но какимъ же образомъ комбинація съ внѣшней войной и пораженіемъ въ ней можетъ быть зачислена въ категорію „минимума жертвъ"? Не наоборотъ ли? Не имѣетъ ли здѣсь мѣсто максимумъ безсмысленныхъ и безвинныхъ жертвъ? И если вглядѣться чуть-чуть поглубже въ злорадное пожеланіе своему правительству — запутаться и сломать голову въ какой нибудь внѣшней авантюрѣ, — не окажется ли оно, по отношенію къ этимъ жертвамъ, глубоко кощунственнымъ?

Дѣло здѣсь не въ эстетикѣ, или не только въ эстетикѣ. Здѣсь съ эстетикой рука объ руку идутъ и этика, и логика.

„Да будутъ благословенны военныя пораженія нашего врага, если они хоть сколько нибудь умножаютъ наши козыри въ нашей собственной борьбѣ съ нимъ, и если они вмѣстѣ съ тѣмъ не поражаютъ чувствительно другихъ соціалистическихъ цѣнностей" — восклицаетъ тов. Ронсинъ. Послѣдняя оговорка весьма характерна. Безъ нея всѣ эти „нашъ врагъ", „наши козыри", „наша борьба" являли бы собою весьма забавный типъ своеобразнаго „патріотизма на изнанку". Наше правительство ведетъ внѣшнюю войну съ какимъ то другимъ правительствомъ. Если побѣды нашего правительства суть пораженія нашей демократіи и нашего соціализма, то вѣдь побѣды чужого правительства суть пораженія чужой демократіи и чужого

соціализма. Почему же намъ забывать о чужихъ и думать только о своихъ?

Кто съ эмфазомъ говоритъ: „да будутъ благословенны военныя пораженія моего правительства!“ — тотъ eo ipso возлагаетъ на себя нѣкоторыя обязанности... А именно, не только не служить въ арміи своего правительства и не помогать ему одерживать побѣды, а, напротивъ, вредить ему и даже, быть можетъ, помогать его противнику. Во время польскаго возстанія 1863 года, гдѣ русскія войска бились за явно неправое и реакціонное дѣло, а польскіе повстанцы представляли противъ нихъ дѣло свободы и принципъ самоопредѣленія національности, — цѣлый рядъ русскихъ офицеровъ перешли къ возставшимъ, не боясь клички „измѣнниковъ“ и позора висѣлицы. Могли ли бы такъ же поступать и мы во время русско-японской войны? Конечно, нѣтъ. Ибо эта война была для насъ чужая. Это была схватка двухъ имперіализмовъ, между которыми намъ нельзя было дѣлать выбора. Оба ихъ мы охватывали однимъ отрицательнымъ отношеніемъ, однимъ „знакомъ минуса“.

Почему же инымъ должно быть наше отношеніе и къ тому гипотетическому случаю, который въ качествѣ примѣра выдвигается Ронсинымъ въ другой статьѣ: къ случаю войны одинъ на одинъ между царской Россіей и императорской Германіей Кого предпочесть? Гогенцоллернскій режимъ культурнѣе Романовскаго: но за то германскій милитаризмъ — чудище позубастѣе милитаризма русскаго. И приходится сказать словами русской пословицы: „хрѣнъ рѣдьки не слаще“. У Ронсина же выходитъ, что гогенцоллернская рѣдька слаще псевдо-романовскаго хрѣна, и что въ этомъ случаѣ „слѣдовало бы желать побѣды Германіи“.

И еще одно соображеніе. Когда страна получаетъ свободу въ видѣ подачки отъ деморализованнаго внѣшнимъ пораженіемъ тирана, а не завоевываетъ эту свободу собственными усиліями — говорилъ я — то такое пріобрѣтеніе не прочно. Тов. Ронсинъ дѣлаетъ экскурсію въ глубь исторіи для доказательства — на примѣрѣ освобожденія рабовъ, крѣпостныхъ и т. п., — что не только завоеванныя пріобрѣтенія прочны. Если бы онъ пошелъ еще дальше въ глубь исторіи, ко временамъ уничтоженія людоѣдства, онъ нашелъ бы еще болѣе удачные примѣры. Но вѣдь мы го-

воримъ не о сѣдой древности, мы изыскиваемъ не соціологическія формулы, примѣнимыя ко всему теченію исторіи. Мы говоримъ о нормахъ политики новаго времени, когда на арену выступили, во всеоружіи организованности и пониманія своихъ интересовъ, коллективныя силы, когда сознательная классовая борьба стала одною изъ главнѣйшихъ пружинъ въ исторіи. Въ наше время болѣе чѣмъ когда нибудь завоеваніе собственными силами есть источникъ прочности каждаго шага впередъ, а временная уступчивость дезорганизованнаго посторонними причинами врага — источникъ непрочности.

А третья французская республика?—напоминаетъ Ронсинъ. Да, про третью республику Бебель говорилъ, обращаясь къ Жоресу и къ Эрвэ: „ее вамъ подарили побѣды прусской арміи!". И въ словахъ Бебеля — несмотря на явное преувеличеніе формы — заключалась частица истины. Но потому то случай третьей республики не только не опровергаетъ, а скорѣе подтверждаетъ мои слова. Третья республика — даже искаженная, даже превращенная въ циничную „республику безъ республиканцевъ" — была долгое время болѣе нежели непрочна. Она долго жила „наканунѣ" нависшаго надъ ней въ видѣ дамоклова меча coup d'Etat; и только бесконечные внутренніе раздоры между монархистами да нерѣшительность Макъ-Магона спасли ее отъ краха. И эта длительная непрочность республики объясняется ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что она была менѣе результатомъ внутренняго преодолѣнія наполеоновскаго режима, чѣмъ внѣшняго его разгрома.

„Тутъ — характеризуетъ мою точку зрѣнія тов. Ронсинъ — проводится извѣстный взглядъ политическаго самоосвобожденія, политической самопомощи, до нѣкоторой степени аналогичный требованію „экономической самопомощи" Смайльса. Это — взглядъ, который былъ присущъ нашему старому народничеству 70-хъ годовъ. Когда первые народовольцы пришли въ каторжныя тюрьмы Сибири, товарищи народники осыпали ихъ упреками въ томъ, что они борятся съ правительствомъ лишь для того, чтобы добиться отъ него уступокъ и подачекъ".

Мой отвѣтъ будетъ кратокъ. Лучшіе народовольцы смотрѣли на себя, какъ на авангардъ, словомъ и дѣломъ

зовущій къ борьбѣ весь народъ. Тѣ же народовольцы, которые думали бороться вмѣсто народа и освободить его безъ его собственной борьбы — вполнѣ заслужили многіе изъ упрековъ, которымъ подвергались. Что же касается народниковъ и Смайльса, то не говоря уже о странности аналогіи между ними, я думаю, что тѣнь Смайльса вообще было бы напрасно безпокоить въ ея забытой могилѣ. „Точка зрѣнія политическаго самоосвобожденія“, которую тов. Ронсинъ у меня нашелъ, была выражена въ уставѣ перваго Интернаціонала въ исторической фразѣ: „Освобожденіе рабочихъ должно быть ихъ собственнымъ дѣломъ“. И редижировалъ ее, какъ извѣстно, не Смайльсъ, а Карлъ Марксъ. А это — какъ говорятъ въ Одессѣ — „двѣ большія разницы“.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СПРАВКА.

Теперь довольно часто идутъ разговоры на ту тему, что во время японской войны многіе русскіе соціалисты и демократы желали пораженія Россіи ради ослабленія царизма Въ этихъ разговорахъ немало преувеличеній.

Если бы настроенія этого рода были, дѣйствительно, столь распространены, то они не могли бы не оставить слѣда на революціонной литературѣ того времени. Возьмите, однако, и пересмотрите хотя бы „Революціонную Россію“, центральный органъ одной изъ двухъ большихъ политическихъ партій, на которыя распадается русскій соціализмъ. Ничего подобнаго въ ней вы не увидите.

Раскроемъ, напр., № 44 „Революціонной Россіи“, — и тамъ, на стр. 16, мы прочтемъ протестъ „противъ взгляда, обычнаго среди русскихъ либераловъ, согласно которому какое нибудь чисто стихійное, внѣшнее событіе — моръ, трусъ, градъ, потопъ, нашествіе иноплеменныхъ — должно расшатать и свалить тотъ ненавистный самодержавный режимъ, для низверженія котораго они не видятъ достаточныхъ внутреннихъ силъ. Невѣріе въ революцію, боязнь ея, вообще рабья психологія заставляетъ многихъ русскихъ либераловъ возлагать всѣ свои надежды на бѣдствія, превращая въ политическій принципъ пословицу: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

„Такая психологія намъ, революціоннымъ соціалистамъ, конечно, совершенно чужда. Стихійное бѣдствіе, правда, можетъ ускорить паденіе отжившаго режима, но лишь въ томъ случаѣ и постольку, поскольку въ то же время есть налицо созрѣвшія внутри страны прогрессивныя силы. Если же ихъ нѣтъ или ихъ слишкомъ мало, то въ итогѣ краха получится воскресеніе того же стараго режима, лишь въ слегка исправленномъ изданіи.

„Потому то, конечно, наиболѣе дряблые элементы либерализма, боясь революціи, предпочитаютъ ликвидацію стараго строя отъ натиска внѣшнихъ бѣдствій, поражающихъ не только правительство, но въ равной мѣрѣ и всю страну. Потому-то они могутъ даже призывать въ своихъ мысляхъ такія бѣдствія, какъ источникъ спасенія... Мы этого не дѣлаемъ и не можемъ дѣлать“.

Этотъ тонъ былъ взятъ газетой не только во время войны, но и раньше—въ тотъ моментъ, когда на вѣсахъ судебъ колебались въ неустойчивомъ равновѣсіи шансы войны и мира. Въ № 39 „Р. Р.“ мы читаемъ:

„Мы, какъ соціалисты, всегда и вездѣ выступаемъ рѣшительными противниками войны. Что дастъ война русскому народу“?—спрашиваетъ газета. И, перебравъ ея ужасы, бѣдствія и невзгоды, какъ будто предвидя поворотъ мысли въ сторону парадокса „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, заключаетъ: „хотя мы убѣждены въ томъ, что война, каковъ бы ни былъ ея исходъ, ярко подчеркнула бы все зло, которое приноситъ Россіи самодержавное управленіе, что эта война можетъ превратиться въ трагическій финалъ русскаго абсолютизма, но мы слишкомъ глубоко вѣримъ въ грядущую побѣду русской революціи, чтобы съ надеждой взирать на взаимное истребленіе народовъ, на гибель десятковъ тысячъ неповинныхъ людей“!

Изъ опасности вскорѣ война сдѣлалась фактомъ. И въ № 40 „Р. Р.“, въ статьѣ „Война объявлена“ (стр. 24) мы читаемъ заявленіе, ставящее партію одинаково далеко отъ желанія побѣдъ какъ той, такъ и другой сторонѣ, — какъ японскому, такъ и русскому милитаризму.

„И во всей этой безумной оргіи разрушенія съ обѣихъ сторонъ звучатъ только два согласныхъ голоса, заглушаемые громомъ пушекъ, залпами скорострѣльныхъ ружей, воплями

раненыхъ и умирающихъ и патріотическимъ скрежетомъ зубовнымъ газетныхъ фальсификаторовъ общественнаго мнѣнія.

„Одинъ голосъ—это голосъ нашихъ товарищей, японскихъ соціалистовъ. Численно они въ своей странѣ еще слабы. Но они сильны духомъ. Они неустанно и неуклонно протестуютъ противъ войны; не боясь обвиненій въ недостаткѣ любви къ родинѣ, они разоблачали, какъ преступленіе передъ человѣчествомъ, всякій воинственный актъ японской дипломатіи; въ ту самую эпоху, когда потокъ шовинизма властно охватилъ страну, они не боялись плыть противъ теченія и высоко поднимали знамя международнаго братства и мира. Имъ не надо дешевой популярности; они не хотятъ льстить грубымъ инстинктамъ улицы; и если бы даже это грозило имъ политической смертью для настоящаго времени — они скорѣе согласились бы умереть для сегодняшняго дня, чтобы въ будущихъ вѣкахъ пріобрѣсти „жизнь вѣчную"...

„Другой голосъ—это голосъ нашъ, голосъ русскихъ соціалистовъ и революціонеровъ...

...„Мы не могли помѣшать тому, что свершилось", — съ горечью говорила далѣе газета и указывала на опасность, что самодержавный режимъ „съ легкимъ сердцемъ втянувшій насъ въ войну на Дальнемъ Востокѣ", „не задумается втянуть насъ въ еще болѣе гибельную войну — войну всемірную"...

И вотъ почему газета считала въ свое время недостаточнымъ обсудить только одинъ конкретный случай—борьбы Россіи съ Японіей изъ за Кореи и Манчжуріи. Она пыталась намѣтить нѣкоторыя принципіальныя основы нашего отношенія къ войнѣ и поведенія во время войны. И съ чувствомъ удовлетворенія мы отмѣчаемъ, что наше направленіе занимаетъ сейчасъ ту самую принципіальную позицію, какую занимала въ свое время „Революціонная Россія".

„Революціонная Россія" тогда смѣло говорила отъ лица партіи. Такъ единодушно было въ то время общее партійное настроеніе. Теперь заграницей изъ рядовъ соціалистовъ-революціонеровъ раздаются разные голоса.., вплоть до призывовъ Б. Савинкова и Б. Моисеенко „не трогать" ни царя, ни капитализма...

Правда, за выступленія русскихъ с.-р. нелегальныхъ организацій даютъ основаніе надѣяться, что, избирая свою позицію по отношенію къ этой войнѣ, мы не разойдемся съ товарищами, работающими по ту сторону русской границы...

Но, какъ бы то ни было, „hier stehe ich und kann nicht anders!" — какъ сказалъ когда-то Лютеръ. Такъ можетъ сказать про свою позицію и наше направленіе.

Что же касается лично пишущаго эти строки, то для него измѣнить свою позицію было бы тѣмъ болѣе невозможно, что это значило бы для него измѣнить всему своему прошлому. Ибо пишущій эти строки является авторомъ всѣхъ цитированныхъ выше статей на тему о „соціализмѣ и войнѣ" въ „Революціонной Россіи".

Hier stehe ich — und kann nicht anders!*).

СПЕЦІАЛИСТЪ РАЗОБЛАЧИТЕЛЬНАГО ЦЕХА

Г. А. Алексинскій „бывшій депутатъ Госуд. Думы", какъ онъ никогда не упускаетъ случая подписаться—только что выступилъ съ дѣленіемъ всѣхъ русскихъ соціалистовъ на два лагеря: „пораженцевъ" и „антипораженцевъ". Первые явно или тайно хотятъ пораженія Россіи, а потому готовы на революціонныя дѣйствія въ тылу арміи; этимъ они играютъ въ руку внѣшнимъ врагамъ Россіи; иные изъ нихъ при этомъ — безсознательно, иные же — сознательно; иные—безкорыстно, иные же просто за деньги служатъ вражескому дѣлу. Что касается вторыхъ, то они—противъ пораженія Россіи и потому самоотверженно воздерживаются пока отъ непосредственной революціонной дѣятельности, идя на то, что ихъ ошельмуютъ, какъ союзниковъ самодержавія.

---

*) Обращаю вниманіе читателей, что первыя четыре статьи этого сборника были напечатаны впервые въ декабрѣ 1914 и январѣ 1915 г., когда еще не было въ поминѣ не только травли противъ „пораженцевъ", но и самаго слова „пораженчество".

Авторъ.

дѣленіе, приблизительно совпадающее съ тѣмъ, какъ дѣлалъ одинъ изъ персонажей Островскаго, для котораго всѣ люди дѣлились на „патріотовъ своего отечества“ и „мерзавцевъ своей жизни“.

Вся литературная дѣятельность Г. А. Алексинскаго развилась въ направленіи прослѣживанія „мерзавцевъ своей жизни“. Матеріалъ богатый: есть австрійскіе и русскіе поляки, открыто организующіеся въ добровольческіе легіоны для борьбы подъ австрійскими знаменами противъ Россіи, въ интересахъ—какъ они думаютъ—польской свободы. Есть увлеченные ими, по ихъ слѣдамъ идущіе украинцы, мечтающіе, что побѣды австрійскаго генеральнаго штаба принесутъ облегченіе украинцамъ въ Россіи. Есть нѣмецкіе соціалисты, типа Зюдекума и Парвуса, готовые превратиться въ агентовъ австро-германскаго правительства, идеализировать его „освободительную“ миссію и во имя ея звать всѣхъ, кого угодно, вплоть до русскихъ соціалистовъ, оказывать помощь нѣмецкому оружію. Все это—„антипораженцы“ для Германіи и Австріи, а потому „пораженцы“ для Россіи.

Но вѣдь такимъ же точно образомъ есть эльзасъ-лотарингцы, готовые дезертировать въ ряды французской арміи, есть итальянцы Трентина и Тріеста, есть сторонники великосербской идеи среди югославянъ Австріи. Они „пораженцы“ для Австріи и Германіи, и „антипораженцы“ для Италіи, Франціи и Россіи. Они готовы вредить австрійскому оружію и помогать „вражескому вторженію“. И до войны среди нихъ велась въ этомъ смыслѣ работа „извнѣ“: процессъ угро-руссовъ съ одной стороны, Сараевскій процессъ съ другой служатъ тому живымъ памятникомъ. Поэтому въ Австріи, въ Германіи, въ Турціи есть свои Алексинскіе, даже въ средѣ соціалистовъ: ихъ любимое занятіе—„прослѣживать“ государственныхъ измѣнниковъ среди эльзасъ-лотарингцевъ, югославянъ, армянъ; набрасывать зловѣщую тѣнь „сообщничества“ на тѣхъ собственно-нѣмецкихъ соціалистовъ, которые не присоединяются къ нимъ въ этой травлѣ, до извѣстной степени понимаютъ психологію травимыхъ и не ждутъ „на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія“ отъ побѣдъ своего главнаго штаба. По ихъ адресу тоже нетрудно по ту сторону „линіи огня“ пускать змѣиный шипъ „пораженцы“!

Вы видите, что дѣленіе на „пораженцевъ“ и „антипо-

раженцевъ"—это вульгарное, по истинѣ уличное дѣленіе—плоско и противорѣчиво. Всякій „антипораженецъ" въ смыслѣ Г. А. Алексинскаго есть на дѣлѣ „антипораженецъ" лишь для одного изъ борющихся лагерей и „пораженецъ" для другого. По отношенію къ одному лагерю онъ чувствуетъ себя непримиримымъ врагомъ, къ другому—вѣрнымъ союзникомъ.

Но среди соціалистовъ есть теченіе, попытавшееся встать выше этого фатальнаго слiянiя отрицательнаго и положительнаго полюсовъ магнита — „пораженчества" и „антипораженчества". Это теченіе не хочетъ войны jusqu'au bout, вплоть до рѣшительнаго пораженія, разгрома одной изъ борющихся сторонъ. Ни одной сторонѣ не желаетъ оно удачи въ ея аггрессивныхъ планахъ. Ни одной сторонѣ не желаетъ оно такого „пораженія", которое предало бы ее на ненадежную „милость побѣдителя". И это потому, что ни одной изъ сторонъ не можетъ оно дать безусловнаго „вотума довѣрія". И вотъ почему на этой—и только на этой платформѣ возможно дѣйственное объединеніе соціалистовъ-интернаціоналистовъ всѣхъ странъ, съ цѣлью созданія новой международной силы — третьей силы рабочаго класса—желающей ликвидировать войну безъ униженіи какой либо изъ сторонъ, безъ репрессій, безъ аннексій, безъ контрибуцій—ликвидировать ее не на основахъ торжества грубой военной силы, а на основѣ отрезвленія народовъ и обращенія ихъ отъ силы—къ праву.

Весь интересъ русскихъ, какъ и австро-германскихъ Алексинскихъ—затушевать, замазать существованіе такого соціалистическаго теченія, или, когда этого нельзя, извратить его сущность. Ибо его существованіе сразу упраздняетъ всѣ эти мнимыя дѣленія на „поражемцевъ" и „антипораженцевъ". Оно ясно показываетъ, что „антипораженчество" и „пораженчество" суть лишь разныя стороны одного и того же соціалъ-патріотическаго типа, и что Алексинскіе Германіи и Зюдекумы Россіи могутъ превосходно служить зеркаломъ другъ для друга. Они—братья-близнецы и не видятъ этого лишь потому, что дерутся другъ съ другомъ, и въ этой враждѣ полагаютъ, что „умерли бы съ тоски, когда бы хоть чуть чуть были похожи" на своихъ живыхъ двойниковъ-антагонистовъ.

Вотъ что мы твердимъ, не уставая, всѣмъ Алексинскимъ Германіи и Зюдекумамъ Россіи. И вотъ почему мы называемъ клеветой попытку Алексинскаго представить всѣхъ, иже не съ нимъ, въ качествѣ пораженцевъ по отношенію къ Россіи и вообще тройственному согласію.

Среди русскихъ соціалистовъ три литературныхъ группы пытались занять позицію, свободную отъ всякаго соціалъ-патріотизма съ его казовой стороной „антипораженчествомъ" и оборотной — „пораженчествомъ". У этихъ трехъ группъ есть три органа: „Соціальдемократъ", „Наше Слово" и „Жизнь".

Только въ одномъ изъ этихъ трехъ органовъ, въ большевистскомъ „Соціальдемократѣ", Г. А. Алексинскій смогъ выклевать пару сомнительныхъ цитатъ. Сомнительныхъ, говоримъ мы, ибо первая же цитата начинается съ заявленія, что: „съ точки зрѣнія международнаго соціализма нельзя сказать, чье пораженіе лучше". Правда, вражда къ абсолютизму дальше заставляетъ автора сказать, что съ мѣстнорусской точки зрѣнія было бы желательно пораженіе царизма. Но это значитъ, что съ мѣстно германской точки зрѣнія слѣдовало бы желать пораженія Гогенцоллерновъ. Весь этотъ своеобразный „соціалъ-патріотизмъ, вывернутый на изнанку" является, однако, просто безплодной „игрой ума". Съ этой точки зрѣнія и можно было бы его критиковать.

Но отнюдь не это интересуетъ Г. А. Алексинскаго. Онъ садится на своего литературнаго конька, прицѣпляетъ къ сѣдлу песью голову и метлу и выметаетъ измѣну. А потому, вмѣсто принципіальной критики ленинской позиціи онъ выдавливаетъ, напр., изъ какой-то американской газеты разсказъ какого то бундиста о томъ, что какой то австрійскій полицейскій комиссаръ арестовалъ какого-то русскаго и узнавъ, что онъ революціонеръ ленинскаго толка, будто бы немедленно его съ превеликой охотой выпустилъ на свободу и далъ пропускъ до границы. „Разумѣй молъ, кто со смекалкой, что это обозначаетъ". Да проститъ насъ Г. А. Алексинскій, но заботливо выклевывать подобныя розсказни онъ могъ бы предоставить Цитовичамъ, Меньшиковымъ и Изгоевымъ. Имъ же могъ бы онъ предоставить и разговоры о какомъ-то „подкинутомъ" пяти с.-д. депутатамъ про-

эктъ резолюціи. Такая полемика недостойна соціалиста. Это не разсужденіе по существу, а внѣ-литературное по своей природѣ разслѣдованіе, за недостаткомъ прямыхъ уликъ промышляющее „косвенными“...

Г. А. Алексинскій пробовалъ „навести тѣнь“ и на „Наше Слово“ Троцкаго и Мартова. Но какая же жалкая попытка! Послѣ всѣхъ исканій онъ смогъ выдернуть только слова Л. Мартова о желательности „неуспѣха“ царской Россіи въ ея аггрессивныхъ военныхъ планахъ—какъ будто „неуспѣхъ“ захватнической политики равносиленъ разгрому страны и „успѣху“ аггрессивныхъ плановъ ея враговъ! И что всего хуже для Г. А. Алексинскаго, такъ это то, что Л. Мартовъ въ свое время объяснилъ значеніе своихъ словъ такимъ образомъ, что не оставилъ болѣе мѣста никакимъ недоразумѣніямъ. Не считаться съ этимъ объясненіемъ, выдергивать его слова о „неуспѣхѣ“ и пытаться свалить въ одну кучу съ желаніемъ пораженія Россіи и ея союзниковъ —какъ это называется? Это называется — недобросовѣстностью.

Но еще хуже обстоитъ дѣло г. Алексинскаго, когда, чтобы подвести всѣхъ „несогласно-мыслящихъ“ подъ рубрику „пораженцевъ“, онъ подходитъ къ газетамъ с.-р. направленія—„Мысль“ и „Жизнь“. Здѣсь онъ могъ рыться въ №№ сколько угодно. Нигдѣ онъ не могъ найти ни тѣни подобія, ни даже намека ни на что, чтобы закричать „государево слово и дѣло“. Но если вы думаете, что господъ Алексинскихъ что либо можетъ смутить или заставить извиниться, то вы очень ошибаетесь. Нѣтъ фактическихъ доказательствъ? Не важно. Ихъ замѣнятъ „слухи, неизвѣстно откуда исходящіе“ и „намеки тонкіе на то, чего не вѣдаетъ никто“— И вотъ Г. А. Алексинскій пишетъ это неподражаемое мѣсто своего письма о „пораженцахъ“:

„О томъ, гдѣ, когда и кто еще высказывалъ ту же „глупую и пошлую“ (пораженческую) идею — объ этомъ можно справиться у одного изъ с.-р. делегатовъ на Лондонской Конференціи (я имѣю въ виду не тов. Рубановича и Кубова)“.

Вотъ какой молодецъ! Совсѣмъ, какъ ужъ — скользитъ, вьется, въ руки не дается! Хитро подмигиваетъ, дѣлаетъ видъ, что знаетъ что то нивѣсть до чего предосудительное —не то про Боброва, не то про Чернова,—а про кого и

что, не скажетъ, — угадай, почему! Не плохо придумано. Всѣмъ простачкамъ остается только ротъ разинуть передъ такой таинственностью. Тутъ то вотъ и лови рыбку въ мутной водѣ.

Но всего лучше то, что господинъ, который такимъ вьюномъ вертиться, по канату ходитъ, фортели выкидываетъ, —еще имѣетъ смѣлость жаловаться на какой-то „извѣстный сортъ полемики“! Онъ еще становится въ благородную позу и „голосомъ яснымъ и ровнымъ, ни мало не смутившись“, заявляетъ: „я рѣшительно отказываюсь защищать себя отъ этихъ личныхъ грубостей и выпадокъ“! Какъ будто это „личная выходка“—указать пальцемъ на человѣка, который въ литературѣ посвятилъ себя внѣ-литературной профессіи слѣдователя по особо-важнымъ дѣламъ! Какъ будто это „грубость“, когда констатируютъ, что въ своемъ усердіи какъ можно больше несогласно мыслящихъ „припутать къ дѣлу“ всѣми правдами и неправдами, онъ доходитъ до прямого оклеветанія. Его не вразумило даже то, что на его новѣйшія „литературныя“ упражненія, какъ воронье на падаль, съ радостнымъ карканьемъ слетѣлась вся „черная“ стая, отъ „Новаго Времени“, до „Земщины“; что его давно уже со сдержанной брезгливостью одергиваетъ даже умѣренная кадетская печать! Пусть „ликуетъ врагъ, молчитъ въ недоумѣньи вчерашній другъ, качая головой“, пусть самъ Іуда Меньшиковъ подходитъ къ нему, „и пригвождаетъ жирнымъ поцѣлуемъ несчастнаго къ позорному столбу“—въ затменіи нравственнаго сознанія его ничто не вразумляетъ...

И онъ еще кокетничаетъ, и позируетъ, и любуется въ зеркало на свою „скромную особу“, и, любовно обсасывая каждое слово, пышно декларируетъ: „я привыкъ въ своей литературной дѣятельности нападать не со шваброй, а со шпагой въ рукахъ“.

И неужели къ нему, хотя бы по ночамъ, какъ къ герою „Современной Идилліи“, не является иногда и не заглядываетъ въ глаза блѣдный Стыдъ?

„ПАН-ПОРАЖЕНЧЕСТВО“.

Всякая эпоха имѣетъ какое нибудь свое реакціонное „кляузное слово“. Когда то было имъ слово „фармазонъ“,

потомъ „вольтеріанецъ“, потомъ „нигилистъ“. Теперь на смѣну имъ пришло новое — „пораженецъ“.

Честь изобрѣтенія этого слова принадлежитъ новѣйшему специалисту по части „политической ябеды“, Г. А. Алексинскому. Онъ началъ розыскъ „пораженцевъ“ въ лѣвомъ лагерѣ. Немедленно вслѣдъ за нимъ открылъ П. Струве новый „тонкій видъ пораженчества“ въ лицѣ кадетовъ. А затѣмъ весь прогрессивный блокъ былъ объявленъ „пораженческимъ“ со стороны правыхъ. Сыскъ пораженцевъ эпидеміей прокатился по всей русской прессѣ, по всѣмъ русскимъ партіямъ..

Но „по какому случаю шумъ“? Вѣдь предлогомъ явилась всего на всего эксцентрическая выходка нѣсколькихъ лицъ, пожелавшихъ сильнѣе épater les bourgeois!

Та маленькая группа, которая впервые подала поводъ къ „открытію“ Алексинскаго, — группа Ленина, во всеуслышаніе заявившая, что русскому пролетаріату слѣдуетъ желать пораженія Россіи, — ничѣмъ не смущаясь, продолжала развивать и доказывать свою теорію. Оказалось, что они своего рода „пантеисты“ пораженчества, что они — убѣжденные и послѣдовательные „пан-пораженцы“. Оказалось, что съ ихъ точки зрѣнія пролетаріатъ каждой страны долженъ желать пораженія своего правительства, если только онъ хочетъ быть истинно революціоннымъ классомъ. Оказалось, что настоящіе революціонеры всѣхъ временъ и народовъ были „пораженцами“...

Въ первомъ № „Коммуниста“ группа Ленина принялась доказывать это съ величайшей обстоятельностью. Она объявила, что за нее — всѣ историческіе прецеденты.

Въ самомъ дѣлѣ, не писалъ ли Фр. Энгельсъ къ Карлу Марксу во время австро-прусской войны: „Мое главное желаніе заключается въ томъ, чтобы Пруссія получила жесточайшія колотушки. Тогда въ Берлинѣ произойдетъ переворотъ...“.

Не писалъ ли впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ Бебель: „Мнѣ и Либкнехту впослѣдствіи часто предлагали вопросъ, что было бы, если бы вмѣсто Пруссіи побѣдила Австрія... Если идетъ рѣчь о народѣ, который лишенъ условій свободной жизни, то пораженіе на войнѣ, по моему, не мѣшаетъ, а, наоборотъ, способствуетъ его внутрен-

нему развитію... Это показываетъ 1806 и 1809 гг. въ Пруссіи, 1866 въ Австріи, 1870 во Франціи и пораженіе Россіи въ войнѣ съ Японіей 1904 г. Безъ этого пораженія не было бы русской революціи; болѣе того, при побѣдѣ Россіи революція на долгіе годы была бы немыслима".

Не писалъ ли и Либкнехтъ: „Кто когда либо слышалъ, чтобы деспотическое правительство, одержавши побѣду, стало либеральнымъ? Съ побѣжденными же правительствами это иногда на короткое время случалось. Примѣръ — Пруссія въ 1806 г. и Австрія въ 1866 г.".

Не свидѣтельствуетъ ли, наконецъ, и Гюставъ Эрве въ своей книгѣ „Leur patrie", что до Седана среди французскихъ соціалистовъ было не мало такихъ, которые въ интересахъ освобожденія своей родины отъ бонапартизма готовы были желать военныхъ пораженій?

Наконецъ, въ газетахъ, не пріемлющихъ „пораженческой" точки зрѣнія, какъ, напр, „Наше Слово", теоретики „Коммуниста" выискиваютъ въ корреспонденціяхъ изъ Россіи цитаты, въ родѣ слѣдующихъ: „настроеніе правительства идетъ параллельно положенію на театрѣ военныхъ дѣйствій: пораженіе — оно уступаетъ или обѣщаетъ уступить; побѣда или надежда на побѣду — назадъ къ старому курсу". И побѣдоносно спрашиваютъ: „не думаетъ ли редакція „Нашего Слова", что его собственныя корреспонденціи подтверждаютъ **нашъ** взглядъ на пораженіе?".

Словомъ, создается цѣлая теорія. Она аппелируетъ къ фактамъ, она выдвигаетъ впередъ авторитеты. Авторамъ ея во что бы то ни стало хочется, чтобы по поводу нея перестали просто улыбаться и пожимать плечами. Они желаютъ, чтобы ихъ принимали въ серьезъ, чтобы ихъ теорію подвергли серьезному критическому разбору.

Увы! мы не можемъ доставить имъ этого удовольствія. Бываютъ „теоріи", не выдерживающія никакой серьезной критики. Ибо, хотя исходятъ онѣ изъ фактовъ довольно общеизвѣстныхъ, но пользуются ими абсолютно некритически и свои quasi-обобщенія строятъ совершенно грубыми и примитивными пріемами, такъ же мало похожими на научные, какъ Квазимодо на писаннаго красавца.

Именно съ такой „теоріей" имѣемъ мы дѣло и здѣсь. Всѣмъ извѣстны примѣры, довольно часто повторяющіеся

въ исторіи, когда деспотическія правительства, чтобы поправить свои дѣла внутри страны, прибѣгали къ военнымъ авантюрамъ. Увѣнчивались онѣ побѣдами — авторитетъ и престижъ правительства, хотя бы на время, повышался, а вниманіе общества отвлекалось отъ внутреннихъ дѣлъ къ внѣшнимъ. Не удавались—результатъ нерѣдко получался прямо противоположный. Чтобы загладить впечатлѣніе отъ „военнаго позора", правительства старались заискивать передъ обществомъ, лавировать, либеральничать, и при этомъ иногда такъ запутывались, что приходили къ ликвидаціи.

Это все — азбучныя вещи. Но не менѣе извѣстно, во первыхъ, и то, что при слабости освободительнаго движенія внутри страны, она можетъ идти отъ авантюры къ авантюрѣ и отъ пораженія къ пораженію, безъ другихъ послѣдствій, кромѣ истощенія, общаго упадка, утери вѣры въ себя и злѣйшей реакціи. Объ этомъ довольно много могъ бы пораcсказать хотя бы эксъ-султанъ, „кровавый султанъ" Абдулъ-Гамидъ.

Во вторыхъ, столь же извѣстно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ глазахъ общества и народа его правительство выглядитъ не виновникомъ войны, а жертвой чужого нападенія, то пораженія могутъ даже многократно усилить популярность даннаго правительства и тѣснѣе собрать страну вокругъ династіи. Такъ въ свое время росла популярность Маріи-Терезіи, такъ теперь на нашихъ глазахъ выросла въ колоссальную величину популярность короля Альберта.

Въ третьихъ, даже тамъ, гдѣ послѣ внѣшнихъ пораженій недовольство страны направляется противъ своихъ владыкъ, нерѣдко бываетъ, что тотъ дополнительный толчокъ, который отсюда получается для освободительнаго движенія, совершенно нейтрализуется или даже перевѣшивается развивающейся въ широкихъ слояхъ населенія жаждой реванша.

Словомъ, дѣло далеко не такъ просто. Вліяніе „пораженія" на дальнѣйшую политическую эволюцію государства вовсе не бываетъ шаблонно-однотипнымъ. Оно варьируетъ въ зависимости и отъ цѣлей войны, и отъ того, кто ее началъ, и отъ того, чѣмъ она кончилась, и отъ того, въ

какой моментъ, съ какимъ соотношеніемъ внутреннихъ силъ она страну застала.

Топорная логика людей, не умѣющихъ мыслить конкретно и хватающихся за импровизированные шаблоны, разумѣется, не желаетъ ничего знать объ этой сложности жизни...

Но всего этого мало. Пан-пораженческая теорія не только примитивна и шаблонна. Она настолько внутренне-противорѣчива, что несетъ въ себѣ элементъ примиряющаго комизма.

„Въ нынѣшнюю міровую имперіалистическую войну — съ комичсскою серьезностью пишетъ Г. Зиновьевъ — когда съ обѣихъ сторонъ выступаютъ исключительно (!) интересы магнатовъ финансоваго капитала (неужели ни интересы династій, ни юнкерства, ни военной касты такъ-таки ужъ ровно никакой роли ни въ чемъ не играютъ?); когда элементовъ прогресса, національнаго объединенія и освобожденія ни на одной сторонѣ нѣтъ и въ поминѣ — ни въ одной воюющей странѣ интернаціоналисты не могутъ вести послѣдовательной борьбы противъ своего правительства и противъ своихъ шовинистовъ, если они въ своей агитаціи не будутъ отстаивать того тезиса, что пораженіе имперіалистовъ ихъ отечества съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата будетъ меньшимъ зломъ".

Забавникъ этотъ Г. Зиновьевъ. Его не смущаетъ даже то, что съ точки зрѣнія единаго международнаго пролетаріата получается столько же разныхъ правдъ, сколько сражающихся „отечествъ".

Всякій пролетаріатъ долженъ желать пораженія своего правительства! Но вѣдь это непремѣнно значитъ, что интересы всѣхъ національныхъ пролетаріатовъ противоположны, ибо всѣмъ нужно пораженіе, — а между тѣмъ пораженіе одного правительства есть побѣда другого!

Непримиримый врагъ соціалъ-шовинизма этотъ Зиновьевъ! Взялъ, вывернулъ соціалъ-шовинизмъ на изнанку — и сдѣлалъ его своей идеологіей! Онъ забылъ только, что даже вывернутый на изнанку соціалъ-шовинизмъ остается тѣмъ же національно ограниченнымъ, узко-эгоистическимъ соціалъ-шовинизмомъ.

Соціалъ-шовинисты узаконяютъ стремленіе каждаго пролетаріата имѣть на своей сторонѣ благо побѣды. Ле-

нинъ и Зиновьевъ совѣтуютъ каждому пролетаріату точно такъ же эгоистически стремиться для себя не ко лже-благу побѣды, но къ истинному благу пораженія.

Однако, что бы вы ни принимали за „благо", пораженіе или побѣду, а пораженіе одного пролетаріата будетъ побѣдой другого и обратно. Иными словами, выигрышъ одного будетъ достигнутъ за счетъ проигрыша другого.

До сихъ поръ соціализмъ строилъ тактику пролетаріата на совокупномъ стремленіи разныхъ національныхъ частей его къ цѣнностямъ общечеловѣческаго характера. Впервые въ лицѣ этого новаго „пан-пораженческаго" теченія тактика пролатаріата принципіально оріентируется по „цѣнностямъ" двусторонняго, полярно-противорѣчиваго характера. И съ какой поразительной, съ какой, можно сказать, трогательной наивностью это теченіе приводитъ само себя ad absurdum, ни на минуту этого не замѣчая и ровно ничего не подозрѣвая!

Эти необычайно простодушные люди, воображающими себя необычайными политическими Макіавели, въ толкъ взять не могутъ, какъ это можетъ во время войны существовать тактика, столь же мало спекулирующая на чьи либо пораженія, какъ на чьи либо побѣды; тактика, для которой эта война — чужая война, а слѣдовательно, и всѣ ея побѣды, какъ и всѣ ея пораженія — просто лежатъ въ другой плоскости, чѣмъ ея акція, ея арена борьбы и ея завоеванія.

Имъ кажется, что ихъ „пораженчество" — свидѣтельство ихъ крайняго революціоннаго дерзанія противъ шовинизма, свидѣтельство моральной силы. На дѣлѣ оно — только свидѣтельство слабости. Разучившись наносить удары своему правительству, оно хотѣло бы его бить чужими руками... Но „чужія руки" преслѣдуютъ и „чужія цѣли", чужія побѣды означаютъ укрѣпленіе одержавшаго ихъ правительства. Правда, это въ „чужой" странѣ —но для интернаціональнаго соціализма всѣ страны „свои" и ни одна не „чужая".

Нѣтъ, въ имперіалистической войнѣ, какъ и въ династической — въ войнѣ за непріемлемыя для насъ цѣли — мы никому не можемъ желать пораженія, ибо никому не можемъ желать побѣды.

Только одного пораженія мы можемъ и должны желать. Пораженія, которое нанесетъ воля къ миру рабочихъ классовъ волѣ къ войнѣ — господствующихъ!

ГДѢ ЖЕ. НАСТОЯЩІЕ ПОРАЖЕНЦЫ?

Въ щедринской „Исторіи города Глупова" уроженцы этого города отличаются многими подвигами. Одинъ и притомъ не послѣдній изъ Глуповскихъ героевъ извѣстенъ тѣмъ, что отправился за семь верстъ того самаго кошмара искать, который все это время у него преспокойно на носу сидѣлъ.

Геніальный сатирикъ въ образѣ глуповскаго героя явно создавалъ прообразъ Г. А. Алексинскаго, этого маленькаго русскаго эрвеиста, который всюду ведетъ розыскъ пораженцевъ... не замѣчая только своихъ политическихъ учителей. А между тѣмъ одинъ изъ нихъ, самъ Гюставъ Эрвэ, немедленно послѣ взятія нѣмцами Варшавы разразился статьей, краснорѣчиво озаглавленной „Благое Страданіе" и снабженной эпиграфомъ: à quelque chose souvent malheur est bon, или, въ вольномъ русскомъ переводѣ: не бывать бы счастью, да несчастье помогло.

Спасительное несчастье—это не что иное, какъ пораженіе русскихъ войскъ на восточномъ фронтѣ...

„Наши друзья русскіе въ данный моментъ испытываютъ „благое страданіе", такое страданіе, которое заставляетъ сдѣлаться лучшимъ, которое принуждаетъ какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлые народы приняться за свою внутреннюю переработку".

Побитое на театрѣ военныхъ дѣйствій, правительство уже готово заигрывать съ обществомъ—и въ этомъ Эрвэ уже видитъ пробивающійся изъ Россіи „солнечный лучъ"...

„А вѣдь нѣмцы еще не стоятъ даже подъ стѣнами Варшавы!

„Это значитъ, что когда они будутъ подъ стѣнами Брестъ-Литовска, далеко за Варшавой, по направленію къ сердцу Россіи—вы увидите, что пробьетъ наконецъ и часъ долгожданной всеобщей амнистіи для политическихъ плѣнниковъ, страдающихъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ за дѣло свободы.

„Не наполняетъ ли восторженнымъ изумленіемъ вашего сердца то обстоятельство, что во всѣ времена и во всѣхъ

странахъ нужны были военныя катастрофы, чтобы открыть глаза рутинной бюрократіи и всѣмъ отсталымъ умамъ?“

Какого еще болѣе явнаго „пораженчества“ вамъ нужно?

Но—скажутъ намъ—вѣдь это же не болѣе, какъ Эрвэ, этотъ вѣчный enfant terrible, который, что ни день, то готовитъ какую нибудь новую „сногсшибательную“ выходку! О, да, конечно. Въ такомъ случаѣ, однако, обратимся по другому адресу. Послушаемъ такого солиднаго и основательнаго человѣка, какъ Ллойдъ-Джорджъ.

„Черныя тучи сгущаются надъ небомъ Востока. Я озабоченно наблюдаю за ними, но онѣ не затемняютъ луча надежды, пробивающагося сквозь сумрачный горизонтъ.

„Это—возрожденіе великаго русскаго народа. Наши непріятели сами не сознаютъ, что именно дѣлаютъ они на Востокѣ. Ихъ могучія орудія разбиваютъ заржавѣвшія цѣпи, сковывавшія живую душу Россіи.

„Австрія и Пруссія дѣлаютъ для него сейчасъ то, что нѣкогда онѣ сдѣлали для Франціи. Они выковываютъ мечъ, который ихъ поразитъ. Они совлекаютъ съ Россіи ея оковы, они освобождаютъ ее. Пусть же они берегутся послѣдствій“!

Вамъ все еще мало? Тогда послушайте еще одного изъ нашихъ патріотическихъ друзей и учителей, послушайте „самого“ Эмиля Вандервельда. Уже давно онъ усердно доказываетъ „міру и Риму“, что для русскаго народа эта война „не династическая, а національная, отъ которой онъ ожидаетъ своего освобожденія“. Гибкій и эластичный и умъ, и языкъ у Вандервельда. „Мнѣ, безъ сомнѣнія, поставятъ на видъ — говоритъ онъ — что если съ нѣкотораго времени въ Россіи должны были сдѣлать кое какія уступки либеральному духу... то не благодаря побѣдамъ, а, напротивъ, благодаря пораженіямъ русскихъ армій. Не стану спорить. Я допускаю, что пораженія царскихъ армій въ данный моментъ служатъ въ Россіи дѣлу свободы, какъ пораженія армій кайзера послужили бы дѣлу свободы въ Германіи“.

Что же? Быть можетъ, наши либералы, нынѣ конкурирующіе съ крайними правыми въ безудержности своего патріотизма и націонализма, и подхватившіе противъ лѣвыхъ соціалистовъ кляузное слово „пораженцы“, возмути-

лись и вознегодовали на своихъ заграничныхъ друзей? Ничего подобнаго! Въ самой Думѣ Аджемовъ и Родичевъ съ величайшей готовностью подхватили „авторитетныя“ заявленія Ллойдъ-Джорджа! А вслѣдъ за либералъ-патріотами заковыляли, какъ всегда, и соціалъ-патріоты. Въ газетѣ „За Рубежомъ“ Б. Вороновъ поспѣшилъ заявить, что у него и у его друзей „пріятіе войны“ обусловливалось „не только соображеніями интернаціонально-соціалистическаго характера, но и убѣжденіемъ, что война, съ одной стороны, ускорить банкротство буржуазіи, а съ другой — послужить новымъ толчкомъ къ организаціи демократіи“ (№ 4).

Надо полагать, не отъ побѣдъ Николая Николаевича и не отъ торжественнаго вступленія Ренненкампфа въ Берлинъ, а отъ какого то другого оборота войны ждалъ и хитроумный Борисъ Вороновъ „ускоренія банкротства бюрократіи“...

О да, только всмотритесь внимательнѣе — и вы увидите, что въ основѣ всей тактики „Оппозиціи Его Величества“ лежитъ не что иное, какъ та полупораженческая концепція, которая нашла себѣ яркое выраженіе въ заявленіяхъ Ллойдъ-Джорджа. Гюстава Эрве и Эмиля Вандервельда. Надо спекулировать на пораженіе царскихъ армій. Эти пораженія, быть можетъ, заставятъ царскую камарилью, волей неволей, припустить къ дѣлу организаціи народной обороны „общественные элементы“. Просочиться, подъ флагомъ самаго яраго патріотизма, повсюду; „потихохоньку, полегохоньку“ замѣщать да замѣщать, вытѣснять да вытѣснять бюрократію, — пока, наконецъ, не явится возможность безболѣзненно и безкровно, безъ революціи сдѣлать революцію. Вотъ и весь великій „секретъ“ этого макіавелическаго плана. Къ сожалѣнію, онъ шитъ бѣлыми нитками, и зоркій глазъ, напр., Петра Струве, давно разоблачилъ военную хитрость коварнаго врага, замыслившаго „осаду власти“. И онъ уже ударилъ въ набатъ, этотъ Алексинскій кадетскаго лагеря, онъ уже повѣдалъ громогласно urbi et orbi, что кадетскій показной патріотизмъ есть „лишь тонкая, прикровенно-лукавая форма пораженчества“, желающаго „всячески использовать трудности войны для тѣхъ или иныхъ цѣлей внутренней политики“...

* * *

Да, не въ добрый часъ заговорили наши новообращенные патріоты о „пораженчествѣ". И особенно не во время заговорили о немъ новообращенные патріоты изъ соціалистическаго лагеря.

Кто стоитъ во главѣ этихъ патріотовъ? Кто ихъ признанный лидеръ? Настолько признанный, что подъ его „высокую руку", несмотря на его соціализмъ и презрѣніе ко всему буржуазному, готова пойти даже кадетская „Рѣчь"?*). Конечно, Г. В. Плехановъ.

Но именно Г. В. Плехановъ въ вопросѣ объ отношеніи къ войнѣ и проявилъ лишній разъ свое умѣнье утаивать въ мѣшкѣ нѣкое шило. Это „шило" — дѣйствительное, реальное, а не воображаемое п о р а ж е н ч е с т в о. Да, если въ Россіи былъ когда либо послѣдовательный, смѣлый и откровенный проповѣдникъ „пораженчества", такъ это былъ Плехановъ, въ ту пору своей политической карьеры, когда онъ ходилъ на заднихъ лапкахъ передъ германской соціальдемократіей и цѣплялся за нее, чтобы „выплыть наверхъ". Тогда онъ буквально лѣзъ изъ кожи, доказывая всю огромность „русской опасности"; тогда онъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ у французовъ: „неужели нѣмецкое нашествіе опаснѣе русскаго?". Тогда онъ угрожалъ перспективами „господства кнута" въ случаѣ побѣды Россіи, тогда онъ обѣщалъ тѣмъ большую благодарность нѣмецкимъ товарищамъ, „чѣмъ рѣшительнѣе они аттакуютъ царизмъ", „нападая на него всякимъ оружіемъ, какое только окажется въ ихъ распоряженіи". Болѣе того, онъ восклицалъ: „Да, если германскія арміи перейдутъ наши границы, то они придутъ къ намъ, какъ освободители, какъ сто лѣтъ тому назадъ приходили въ Германію французы національнаго конвента, чтобы побѣдоносно вручить народу свободу черезъ головы князей!"**).

---

*) Въ № 257 „Рѣчи" (отъ 18 сент. 1915 г.) мы читали скромное заявленіе: „Рѣчь" съ самаго начала войны стоитъ на позиціи Плеханова".

**) Протоколы Цюрихскаго Межд. Соц. Конгр., стр. 30.

Нынѣ, заметая пушистымъ лисьимъ хвостомъ свои старые слѣды, Г. В. Плехановъ со своими ловчими и выжлятниками типа Алексинскаго сѣетъ противъ своихъ идейныхъ противниковъ ядовитыя сѣмена подозрѣнія въ „пораженчествѣ". Какой цинизмъ!

До пораженія русскихъ армій наши соціалъ-патріоты провозглашали лозунгъ — „сначала побѣда, потомъ революція". Нынѣ, послѣ этихъ пораженій, они еще не добрались до противоположной формулы — „сначала революція, потомъ побѣда" — но стоятъ уже на полъ-пути къ ней. Они мечтаютъ о безболѣзненной, безкровной революціи, которая бы прошла незамѣтно для фронта, безъ „смуты" въ тылу арміи. Они вспоминаютъ, подобно Бунакову, объ историческомъ прецедентѣ — низверженіи Наполеона III во время франко-прусской войны. И этимъ только лишній разъ выдаютъ себя съ головой.

„Нереволюціонная революція" 70 года во Франціи была дѣтищемъ **пораженія**, дѣтищемъ полнаго **разгрома** всей военной силы стараго режима. О, если бы въ Россіи произошелъ Седанъ, и въ военномъ смыслѣ **терять стало бы нечего**,—возможно, что и у насъ всѣ, вплоть до доктора Дубровина и Сашки Косого, отшатнулись бы отъ Николая, и его карьера была бы кончена почти безъ всякаго „отвлеченія" на это дѣло „воли и силы" демократіи. И вотъ почему наши соціалъ-патріотствующіе враги „пораженцевъ" **объективно**, по послѣдствіямъ, какъ разъ и являются самыми настоящими пораженцами. Они обольщаются перспективой „нереволюціонной революціи", которая только и можетъ наступить въ результатѣ **пораженія**. Они, изъ боязни повредить національной оборонѣ, хотятъ, покуда-что, какъ нибудь уживаться вмѣстѣ съ правительствомъ, „по одну и ту же сторону баррикады", хотя знаютъ, что какъ разъ правительство то и саботируетъ всю нашу жизнь, вплоть до дѣла „обороны". Они тянутъ, они терпятъ это нестерпимое и для нихъ самихъ положеніе. Они не знаютъ ничего, кромѣ политики оттяжекъ и проволочекъ, называя это „быть мудрыми, какъ зміи". Они затягиваютъ въ скрытомъ видѣ тотъ самый кризисъ, который далъ намъ и военныя пораженія въ Польшѣ, и дипломатическія пораженія на Балканахъ, и гражданскія безобразія въ Галиціи, и провокаціонную поли-

тику, политику, мѣтящую на пріобрѣтеніе „Арменіи безъ армянъ", въ Закавказьи, и лицемѣрное заигрыванье съ независимостью многострадальной Польши, и истребительную политику противъ еврейскаго населенія театра войны. Они —худшіе попустители всего этого,—о, конечно, изъ самыхъ высокихъ мотивовъ, изъ боязни „отвлеченія силъ и вниманія" арміи и демократіи, изъ благого намѣренія „спасти свою страну во что бы то ни стало". Но есть благія намѣренія, которыми весь адъ вымощенъ. Есть средства „спасать страну", которыя лишь помогаютъ ея губителямъ, и ведутъ къ новымъ и новымъ пораженіямъ. Да, вотъ гдѣ они, истинные „пораженцы"—пораженцы по результатамъ своей дѣятельности!

* * *

„Потребовались крупныя военныя неудачи, чтобы правительство сознало свою несостоятельность" — съ горечью говорилъ въ Государственной Думѣ лидеръ прогрессистовъ Ефремовъ.

Потребовались крупныя военныя неудачи... Но вѣдь этими словами можно начать цѣлый рядъ еще столь же выразительныхъ и полныхъ горькаго сарказма признаній...

Потребовались крупныя военныя неудачи, чтобы наши прогрессисты, оскоплявшіе свою рѣчь, вдругъ догадались, что „нашъ долгъ передъ арміей и родиной—сказать правдивое, мужественное слово".

Потребовались крупныя военныя неудачи, чтобы Милюковъ съ думской трибуны сдѣлалъ цѣлый рядъ заявленій, на которыя доселѣ отваживались лишь мы, крайніе лѣвые, —смѣлость, которую не въ одномъ правомъ лагерѣ называли граничащей съ измѣной. Заявленій, что въ этой войнѣ Россія, благодаря своему правительству, опозорила себя „невѣжественной наивной попыткой посягнуть на національность и вѣру населенія только что пріобрѣтенной провинціи, для управленія которой посланы были отбросы русскаго провинціальнаго чиновничества"; что подъ прикрытіемъ военныхъ полномочій по отношенію къ цѣлому еврейскому народу практиковались „небывалыя мѣры круговой отвѣтственности за несовершенныя преступленія, мѣры, напоминающія дикія времена глубокаго средневѣковья и уни-

жающія насъ во мнѣніи всего образованнаго свѣта"; что вся роль Россіи въ этой войнѣ, усиліями власти, была превращена — лицомъ къ лицу съ освободительной идеологіей войны — въ „кричащій диссонансъ, который огорчаетъ друзей и вызываетъ злорадство враговъ"...

Потребовались крупныя военныя неудачи, чтобы націоналисты въ лицѣ Бобринскаго вспомнили „о недостаткахъ, недочетахъ и преступленіяхъ прошлаго, объ агентахъ правительства, подчиненныхъ ему и даже, можетъ быть, находившихся въ его средѣ, которымъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ".

Понадобились крупныя военныя неудачи, чтобы даже „черные", въ лицѣ Маркова II, сознались, что „ошибались и націоналисты, и правые, ибо слѣпо поддерживали правительство — поддерживали слѣпо и неразумно".

Понадобились крупныя военныя неудачи, чтобы пріявшіе войну либералы вновь заговорили о неотложности внутренняго обновленія... конечно, все для той же „цѣли цѣлей" и „задачи задачъ" — посрамленія гордыхъ тевтоновъ...

И—почемъ знать? Быть можетъ, многіе изъ пріявшихъ войну революціонеровъ и соціалистовъ вспомнятъ о неотложности революціоннаго дѣйствія — разумѣется, то же не иначе, какъ подъ флагомъ „все для войны! все для побѣды"!

Отъ крайняго праваго до крайняго лѣваго фланга всѣ эти „пріявшіе войну" проявили одну психологію. Психологію людей, нуждающихся въ пораженіи для своего отрезвленія. Единственныхъ подлинныхъ пораженцевъ, — несчастныхъ, жалкихъ и тусклыхъ пораженцевъ!

ЦѢНА 20 сант.